

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ АДЫГСКОГО ЭТНОСА В РОМАНЕ «ХАТТИ» АНФИСЫ КАНУКОВОЙ-ФИРОВОЙ

Л.Б. Хавжокова

В статье впервые исследуется рукопись романа-трилогии «Хатти» адыгской (кабардинской) писательницы Анфисы Азреталиевны Кануковой-Фировой (1984 г.р.) в авторизованном переводе на русский язык. Цель исследования – выявить специфику художественного воплощения протоистории адыгского этноса в контексте заявленного эпического полотна. Для достижения цели решается круг задач: проводится краткий обзор становления и развития жанра романа, в частности жанровой формы исторического романа, в адыгской литературе; выделяются новаторские формы национального романа XXI в.; изучается история создания романа «Хатты»/«Хатти» на кабардино-черкесском языке и его перевода на русский язык; устанавливается жанровая принадлежность произведения; выявляются художественные особенности материала исследования, проводится анализ его содержания, композиции, поэтики; рассматривается мифо-фольклорная основа романа; определяется соотношение авторского вымысла и исторической правды в анализируемом прозаическом дискурсе. Необходимость решения перечисленных задач обусловлено применением в работе комплекса научных методов, в числе доминантных – культурно-исторический, герменевтический, структурно-описательный методы, а также методы имманентного и контекстуального анализа. Полученные результаты позволяют сделать вывод о прогрессирующей в современной адыгской романистике тенденции актуализации древнейшей истории как одного из главных объектов художественного осмысления бытия и ментальности этноса. В этом контексте роман «Хатти» А. Кануковой-Фировой является единственным на сегодняшний день эпическим произведением, в котором творчески ярко и, насколько это возможно, исторически достоверно освещается далекое прошлое предков адыгов, датирующееся XIII–XII вв. до н.э. Роман представляет собой оригинальный пример авторской мифологизирующей прозы, в котором наблюдается «моделирование текста как миф» (выражение К.Н. Паранук). В то же время в произведении просматриваются свойства и признаки исторического романа-эпопеи, романа-мифа и семейного романа-хроники. Язык повествования богат и насыщен этнокультурной символикой, национально маркированными образами, архаичной лексикой, в совокупности своей репрезентирующими духовный мир этноса от древних истоков его формирования.

Ключевые слова: адыгская (кабардинская) проза, А. Канукова-Фирова, «Хатти», исторический роман-эпопея, роман-миф, роман-хроника, этническая картина мира.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Художественная репрезентация истории адыгского этноса в романе «Хатти» Анфисы Кануковой-Фировой // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 60 (99). С.123-131. DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.004

Поступила в редколлегию: 23.03.2026 г.

Принята к публикации: 15.06.2026 г.

Жанр романа в адыгской литературе является одной из самых востребованных форм художественного воплощения истории этноса. За почти вековой путь развития национальная романистика освоила множество средств и способов освещения страниц прошлого. На современном этапе сформирован обширный проблемно-тематический и жанрово-стилевой диапазон адыгской исторической прозы – от социально-исторического нарратива до документально-реалистической (собственно исторической) и историко-революционной эпопеи (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6]). За последние два-три десятилетия стало знаковым появление философских форм романа-притчи, романа-размышления, романа-мифа, романа-арабески, романа-хроники, рома-

на-драмы, романа-поэмы, лирического романа-дневника, построенных на сюжетах из жизни отдельных личностей, конкретной семьи, рода, в более широком плане – на истории этноса, страны, человечества и мироздания в целом. С опорой на содержание этих произведений и научные концепции, сформулированные о них в трудах известных северокавказских ученых-литературоведов Л.А. Бекизовой, А.Х. Хакуашева, А.А. Схаляхо, К.Г. Шаззо, Ш.Е. Шаззо, У.М. Панеша, Т.Н. Чамокова, А.М. Гутова, А.Х. Мусукаевой, Ю.М. Тхагазитова, Х.Т. Тимижева, Р.Х. Камбачоковой, К.Н. Паранук, М.А. Хакуашевой, Н.А. Дахужева, Н.А. Приймаковой и др., в настоящее время можно с уверенностью констатировать, что крупные жанры адыгской прозы на всех этапах их эволюции большей частью сфокусированы на принципе историзма, который, помимо освещения исторического процесса или конкретных событий, выходит на более или менее константные проблемы этнической самоидентификации личности, сохранения нравственных императивов и поиска аксиологических ориентиров в стремительно меняющемся и глобализирующемся мире.

По справедливому замечанию некоторых из упомянутых выше исследователей, обращение адыгских писателей к исторической тематике изначально было мотивировано стремлением «осмыслить жизнь и судьбу этноса во времени» [7, 3], «восполнить долгое отсутствие письменности, восстановить и сохранить историческую память народа; осмыслить и оценить “сегодняшнее” с помощью “вчерашнего”» [8, 3]. В теоретическом плане было значимо и то, что на начальном этапе эволюции новописьменных адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур произведения на историческую тему «принимали непосредственное участие в создании национально-реалистических принципов изображения, в формировании жанровых образований» [9, 121]. При этом важно заметить, что, если историко-революционная проза зародилась уже в 1930-е гг., что было связано с воплощением идеи всесоюзного художественно-эстетического единства, то крупные прозаические жанры о далеком прошлом адыгов сформированы лишь в середине и преимущественно во второй половине XX в.

Говоря о произведениях, освещающих далекое прошлое народа, необходимо уточнить, насколько оно далеко по времени? Вопрос достаточно сложный, тем более когда речь идет не о социальном, а мифологическом времени и некотором условном – сакральном или профанном – «хронотопе» (термин М.М. Бахтина), представленном, например, в романах-мифах «Каменный век» Х. Бештокова, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Абраг» Дж. Кошубаева, в повестях «Превосходный конь Бечкан», «Лес одиночества», повести-притче «Черная гора» и романе «Вино мертвых» Н. Куека, в повести «Всемирный потоп» и романе «Ночь Кадар, или Который справа» М. Емкужева и т.д. Большинство из указанных произведений появилось в текущем столетии, из чего следует вывод о том, что современной адыгской прозе «тесно» в рамках социального времени и нашей эры. Об этом свидетельствует тот факт, что со второй половины XX в. в национальной литературе наблюдается прогрессирующая тенденция обращения писателей к событиям древности, субстанции «с незапамятных времен», неизведанному, сакральному и мистическому. Все обозначенное выступает своеобразным системно-элементным аспектом художественного осмысления протоистории адыгского этноса в романе «Хатти» кабардинского прозаика Анфисы Кануковой-Фировой.

Роман «Хатты» («Хьэтхэр») впервые вышел в свет в 2019 г. в двух частях на кабардино-черкесском языке. В 2021 г. он был дополнен третьей частью и издан в рамках знаменитой серии «Черкесика» при поддержке фонда «Адыгский мир». В настоящее

время трилогия «Хатти», включающая части «Апофеоз», «Меоты» и «Хатты», подготовлена к изданию в авторизованном переводе на русский язык. Следует заметить, что в заголовок русского перевода вынесен уже не этноним «хатты», как это было в кабардино-черкесском варианте, а название страны Хатти, могущественной империи, основанной хаттами – праотцами абхазо-адыгов – несколько тысяч лет назад на территории Малой Азии (в романе описываются события 3,5-тысячелетней давности). Именно название «Хатти», в котором изначально заложена информация не только о хаттах, но и об их великом царстве, представляется нам наиболее удачным.

Предваряя анализ произведения, прежде всего важно установить его жанровую принадлежность. Соглашаясь, с одной стороны, с авторским определением «Хатти» как исторического романа, с другой – следует внести некоторые пояснения относительно того, что в нем также интегрированы жанровые черты других разновидностей романа – например, романа-хроники, точнее – семейного романа-хроники. Главная сюжетная линия построена на последовательном освещении событий из жизни легендарного хаттского правителя Хаттусили III, хотя повествование начинается еще раньше – с правления его старшего брата Муваталли. В целом в произведении рассказывается история семьи Мурсили II, его сыновей Муваталли и Хаттусили, но семейная хроника выступает лишь фоном для отражения эпохальных исторических событий. Основное внимание уделяется противостоянию страны Хатти в лице ее великих правителей и мужественных воинов внешним набегам; приводится панорамная характеристика периода правления Хаттусили III, подробно описывается его упорная борьба против египетского фараона Рамзеса II и впоследствии – заключение союза с ним. Параллельно освещается противостояние меотов древним эллинам, хаттов – ассирийскому царю.

С первых строк романа автор знакомит читателя с землей хаттов, ее историей: «Хатти. Страна великих царей и непобедимых воинов. Земля с тысячелетней историей, что величаво раскинулась между Черным и Средиземным морями. На юге она граничила с Египтом, на востоке – с Ассирией. <...> Хатти всегда находилась в центре войны: со всех четырех сторон света ее окружали предатели и страстно жаждущие ее падения враги» (здесь и далее цитаты из романа «Хатти» приводятся по рукописи, предоставленной автором произведения. – Л.Х.). Далее за «сухой» констатацией фактов в художественный контекст вплетается «божественная сила» («Бог Войны Татартуп», «Бог Души», «Лесной Бог/Бог Леса», «Бог Солнца» и т.д.), действующая на протяжении всего повествования: «Но она (Хатти. – Л.Х.) была неприступна, словно сами боги защищали этот древнейший народ из глубины веков, и в какую бы сторону ни повернули хаттские цари, отовсюду они возвращались с победоносным кличем».

По значимости описываемых событий и масштабам освещаемого хронотопа в романе А. Кануковой-Фировой также прослеживаются черты эпопеи. Действия в нем продолжаются чуть более века и охватывают период с 1285 по 1180 г. до н.э. (XIII–XII вв. до н.э.). За это время сменилось пять правителей Хатти: Муваталли → Хаттусили (младший брат Муваталли) → Тутхалия (сын Хаттусили) → Арнуванда (старший сын Тутхалии) → Лулимес (Суппилулиумас II – младший сын Тутхалии). При последнем правителе, как отмечается в эпилоге романа, «Хатти была окончательно разгромлена, предположительно, предками современных грузин – мосхами. После вторжения этого народа из юго-западной Грузии Хатти прекратила свое существование (предположительно в 1180 году до нашей эры). <...> Империя была разделена между эллинами, ассирийцами и мосхами, а оставшееся от переселения немногочисленное население ассимилировано захватчиками».

Вышеизложенное позволяет определить жанровую принадлежность «Хатти» к историческому роману-эпопее с элементами хроники и мифа, при этом важно подчеркнуть доминирование в нем художественной правды над исторической. И хотя в аннотации автор пишет, что «в основу повествования легли *реальные* (курсив наш. – Л.Х.) исторические события», даже в приведенном выше небольшом фрагменте дважды встречается слово «предположительно», которое нагляднее всего характеризует описываемую в романе эпоху. История хаттов на сегодняшний день не получила достаточного научно-достоверного освещения. Отсутствие документальных источников не позволяет ученым-историкам восстановить реальные страницы столь отдаленного прошлого адыгов. Вместе с тем нам известно, что А. Кануковой-Фировой изучены все существующие материалы по Хаттской империи и протоадыгским племенам и, главное, предпринята удачная, на наш взгляд, попытка художественного осмысления древнейшей истории адыгов и трансляции в современность национального духа этноса в воссоздаваемую эпоху.

По справедливому замечанию одного из исследователей адыгского романа Н.А. Приймаковой, «трудность и сложность исторического художественного творчества в том и состоит, что в нем художник должен быть одновременно и художником, и историком, чтобы его творение было и искусством, и историей. В противном случае оно не станет ни искусством, ни историей» [10, 3]. После прочтения романа «Хатти», не остается сомнений в том, что он стал подлинным искусством и в определенной степени историей. Все действующие в нем персонажи, за редкими исключениями, – исторические личности. Автору удалось восстановить образы и факты биографии известных правителей, не только Хатти, но и других стран и империй; в произведении детально описаны их многочисленные битвы и бесконечная междоусобная вражда. В романе вымышлены лишь имя Нааптеры – средней дочери царя Хаттусили, которая была выдана замуж за египетского фараона Рамзеса II, и образ Аладамы – возлюбленного Нааптеры и личного телохранителя ее отца, меота по происхождению и «самого смелого воина Хатти».

Аладама – настоящая находка и лучшее творение А. Кануковой-Фировой. Начиная от внешности и заканчивая мужественными чертами характера, этот романтизированный образ идеально выписан в романе. Впервые его внешность представляется читателю глазами Нааптеры: «Девушка медленно повернулась и подняла глаза на человека, который стоял перед ней. Сердце ее растаяло под пристальным взглядом черных глаз молодого воина. Глаза эти были полны света горячих чувств. Всем своим естеством Нааптера желала прильнуть к высокой груди любимого и прижаться щекой к его лицу, вдыхать запах его тела и чувствовать покалывание щетины». Но этим описанием не ограничивается ракурс репрезентации данного образа: на протяжении всех трех частей романа автор прямо или косвенно дает ему характеристику, как и всем другим персонажам. Герои романа пребывают в непрерывной динамике, меняясь сами и меняя мир вокруг себя. Так, например, Аладама становится знаковой фигурой, восстанавливающей давно потерянную связь между заморскими (анатолийскими) адыгскими племенами, переселившимися в Малую Азию и основавшими там хаттскую цивилизацию в 2500-х гг. до н.э., и родственными им кавказскими (нартскими) племенами, оставшимися на исторической родине, «в своей колыбели, на кавказском побережье Черного моря». В числе последних, то есть нартских племен, указываются меоты, синды, сарматы, агирейцы, тараоты, арикейцы и загадочные амазонки.

Во второй части трилогии события происходят уже на Кавказе, в Нартии. И, как свойственно идиостилю А. Кануковой-Фировой, повествование начинается со зна-

комства читателя с этой прекрасной страной и ее жителями: «В нартских племенах жил дух непобедимого воина. То были отчаянные, несокрушимые и храбрые мужи. <...> Нартия состояла из небольших племен, в каждом был свой правитель. Они не подчинялись верховному царю царей, как было в Хатти. Но перед общей угрозой нарты созывали совет – Хасэ, открывали границы своих земель, которые были четко определены, и беда становилась общей». Далее в романе разворачиваются события, подтверждающие процитированные слова автора.

В целом повествование в «Хатти» романтизировано, действия идеализированных героев происходят в романтических обстоятельствах, в рамках узнаваемых (существующих или существовавших) и вымышленных мифологических топосов, и освещаются в темпоральном ракурсе, интегрирующем социальное, концептуальное, перцептуальное время с параллельной имплицитной ориентацией на мифический хронос. При этом важно заметить присутствие в повествовании анахронизмов, что представляется явлением вполне закономерным и даже неизбежным в произведении, обращенном к событиям древности.

Обозначенные выше характеристики составляют мифо-фольклорную основу «Хатти», которая отчетливее всего проявляется во второй части эпопеи. Как ранее отмечалось, здесь вводятся в художественный контекст всемирно известные образы нартов и амазонок, описываются сакральные места, магические обряды, раскрываются секреты народной медицины, в целом транслируется культура и особенности быта древних адыгских племен. Все перечисленное подтверждает мнение М.А. Хакушевой о том, что «выдержав натиск истории, миф сумел законсервировать в себе неизменные, константные формы культуры и социума. Это то не подверженное изменениям “ядро”, которое подчиняется иным законам детерминизма и не зависит, например, от смены социально-общественных формаций» [11, 11]. Использование мифа, с одной стороны, обуславливает этнокультурную маркированность, и, следовательно, определяет духовную ценность рассматриваемого произведения, с другой – подчеркивает художественные особенности представленного в нем повествования.

Здесь также уместно процитировать Ю.М. Тхагазитова, отмечающего, что «миф литературный понимается <...> как интуитивно-сознательное воспроизведение народной мифологии с целью создания целостной картины национального мира, целостной картины бытия, в котором органически соединяются в некую целостность национальная действительность и национальная история» [12, 242]. Ссылаясь на приведенную гипотезу, К.Н. Паранук вполне правомерно «уточняет и конкретизирует методiku исследования проблемы мифотворчества и разграничивает два явления в авторской мифологизирующей прозе: в первом случае мифологизм представляет собой интерпретацию и трансформацию исходного мифосюжета в авторском тексте; во втором случае речь идет о создании в тексте собственного мифа или «моделировании текста как миф» [13, 22]. В исследуемом произведении А. Кануковой-Фировой наблюдается действие второго из указанных способов мифологизации художественного полотна.

В романе «Хатти» в бесконечных распрях и столкновениях нартских воинов и амазонок с вражескими племенами в силу своих способностей принимают участие целители, маги, ведьмы, гадалки, шаманки и даже некоторые амазонки наделяются не только физической, но и духовной, магической сверхсилой. Обратимся, к примеру, к образу Удины (*каб.-черк. Удынэ*), имя которой переводится как «Ведьмоглазая» (*каб.-черк. уд* – ведьма, колдунья + *нэ* – глаз). Здесь чувствуется созвучие с русским «ундина», обозначающим «мифологическое человекоподобное существо женского пола,

связанное с водоемами, нивами и полями» [14], в некоторых источниках – дух воды, водяница, русалка и т.д. Удина в рассматриваемом художественном контексте, в отличие от ундины, не связана с водной стихией, но, судя по сверхспособностям, которыми наделен ее образ, она близка к мифическим существам. Вместе с тем, как следует предположить, у автора изначально не было намерения провести ассоциативную параллель между Удиной и общеизвестным мифическим персонажем. Ведь в романе А. Кануковой-Фировой, первоначально созданном на родном языке, актуальна семантика и символика именно кабардино-черкесского варианта имени героини – *Удынэ* – Ведьмоглазая (в авторском переводе – «Колдовские глаза»). А стихия воды в адыгской мифологии воплощена в образе Психогуаши (*каб.-черк. Псыхъуэгуащэ*) – букв. «Княгиня (в значении «Богиня») речных долин».

Удина – воительница неописуемой красоты и отваги, предводительница амазонок, одна из «дочерей Поднебесья», живших по строгим «женским» законам. Она становится в романе ключевой фигурой, олицетворяющей переход от матриархата к патриархату и падение царства амазонок. В ее образе воплощается торжество женской природы – назначения быть женщиной, над выдуманскими, даже такими, казалось бы, непоколебимыми законами человечества, как амазонство.

В романе образу Удины дается удивительно прекрасная и исчерпывающая характеристика: «Из-под густых черных ресниц молодой девушки <...> выглядывали серые глаза <...>. Самая красивая, смелая, храбрая, ловкая, внимательная <...>. Хоть и казалась жесткой и властной, но по-своему была скромна, мудра и благородна. Сила женской красоты, исходившей из глубины души <...>, освещала ее лунный лик. Это делало ее еще более загадочной и недоступной. <...> Девушка с аккуратным, острым подбородком, <...> атлетическим телом. <...> Густые волосы красновато-медового цвета прикрывали шелковыми завесами красивое лицо. <...> Высокие ноготки из красно-коричневой кожи облачали крепкие и развитые икры амазонки. Поверх короткого платья из меха лисицы сидит литая броня, защищая весь торс. А густые волнистые волосы рассыпью лежат на плечах. Руки ее защищают украшенные причудливым орнаментом налокотники и наплечники. <...> [Ей] не было равных в боях на мечах. Она выделялась из тысячи воительниц. Ее нельзя было спутать с кем-либо. Она была как богиня, спустившаяся с небес и озаряющая все на своем пути необъяснимым, неземным светом. <...> И что случается крайне редко, [она] улыбалась, обнажая белоснежные и ровные зубы». И это лишь фрагмент из описания внешности, характера и одежды Удины. Таким же образом, давая подробнейшую, детализированную характеристику, автор «проходит» и по всем другим своим персонажам, доводя каждый образ до последнего штриха.

В целом важно подчеркнуть совершенство образной системы трилогии «Хатти»: в ней нет недостаточно выписанных, статичных или «лишних» героев. В повествовании представлено портретное описание каждого персонажа, все они принимают активное участие в событийной канве романа по чеховскому принципу «ружье, висящее на стене, непременно должно выстрелить». «Выстреливают», то есть решительно действуют, абсолютно все без исключения – от храбрых воинов (Адамей, Аладама, Шауей, Тотреш, Тлостан) и воительниц (Удина, Жан, Катина) до бывшей амазонки Маисы, впоследствии ставшей шаманкой и вылечившей меотского царя Туара, и мудрой Гошанаго – матери Алады.

В третьей части автор возвращает свое повествование из мифа в реальность, из Нартии и Меотиды – в Хатти. Здесь уже происходят не междоусобицы и не распри небольших племен, а исторически значимые военные баталии, столкновения импе-

рий, результатом которых стало падение великой страны хаттов. А. Канукова-Фирова сумела передать всю боль трагического конца периода царствования Хатгусили III и исчезновения Хатти: «...Многие жилища пришли в негодность, улицы уже не такие светлые и чистые, как раньше. Голодные люди бродят по городу в поисках пищи для своих детей. На это было больно смотреть. Сердце повелителя Хатти обливалось кровью. Так не должно было быть, ведь все так хорошо начиналось...»

Вместе с тем, понимая, что история не терпит сослагательного наклонения и всякое начало имеет конец, автор с большим сожалением, но открыто излагает горькую правду и справедливо рассуждает: «Таковы законы жизни. – Падение одного – взлет для другого. Мудрые знают о цикличности – все в этом мире идет своим чередом. Но так больно это принимать, когда очередь доходит до тебя. И было совершенно очевидно, что Хатти испускает последний дух, что жизнь больше не пульсирует в ней страстно и жадно».

Язык произведения заслуживает отдельного рассмотрения. Он богат и насыщен оригинальными изобразительно-выразительными средствами, архаичной лексикой, мифологемами, национальной символикой. Обширные и подробные описания военных действий не только не снижают уровень художественности повествования, но и подтверждают его высокий «статус» – жанровую принадлежность к историческому роману-эпосе. Идиостиль автора, манера изложения материала и удачный авторизованный перевод текста на русский язык позволяют заключить, что роман А. Кануковой-Фировой представляет собой настоящее произведение словесного искусства. Несомненно, трилогия «Хатти» явится новым словом в репрезентации древней истории этноса в зеркале художественной правды.

-
1. *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черк. отд., 1974. 288 с.
 2. *Мусукаева А.Х.* Ответственность перед временем: проблемы эволюции романа в литературе Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1987. 168 с.
 3. *Мусукаева А.Х.* Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология. Нальчик: Эльбрус, 1993. 192 с.
 4. *Мусукаева А.Х., Тхагазитов Ю.М.* Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 50-80-х гг. Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. 63 с.
 5. *Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман: эволюционный путь и художественные особенности [на каб.-черк. яз.: ТЫМЫЖЬ ХЬ.Т., ТХЪЭГЪЭЗИТ Ю.М. Адыгэ лъэпкъ роман: и тхыдэ гъуэгуанэмрэ художественнэ нэцэнэхэмрэ]. Нальчик: КБИГИ, 2009. 168 с. (на каб.-черк. яз.)
 6. *Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман (национально-эпическая традиция и современность). Нальчик: Эльбрус, 1987. 110 с.
 7. *Камбачокова Р.Х.* Становление и развитие исторического романа в адыгской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1998. 23 с.
 8. *Дахужева Н.А.* Национальное своеобразие исторического романа в адыгейской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2000. 18 с.
 9. *Панеш У.М., Шаizzo Ш.Е.* Адыгская проза на историческую тему в контексте отечественной литературы 50-х гг. XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2019. № 2 (237). С. 120-125.

10. Приймакова Н.А. Жанрово-стилевое богатство адыгского романа об историческом прошлом (поэтика сюжета): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 22 с.
11. Хакуашева М.А. Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик: КБИГИ, 2014. 172 с.
12. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 с.
13. Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2012. 352 с.
14. Ундина // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ундина>

Khavzhokova, Lyudmila B. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>; lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

ARTISTIC REPRESENTATION OF THE HISTORY OF THE ADYGHE ETHNOS IN THE NOVEL “KHATTI” BY ANFISA KANUKOVA-FIROVA.

Keywords: *Adyghe (Kabardian) prose, A. Kanukova-Firova, “Hatti”, historical epic novel, myth-novel, chronicle novel, ethnic picture of the world.*

The article for the first time examines the manuscript of the novel-trilogy “Hatti” by the Adyghe (Kabardian) writer Anfisa Azretaliyevna Kanukova-Firova (born in 1984) in an authorized translation into Russian. The purpose of the study is to identify the specifics of the artistic embodiment of the proto-history of the Adyghe ethnic group in the context of the declared epic canvas. To achieve this goal, a range of tasks is solved: a brief overview of the formation and development of the novel genre, in particular the genre form of the historical novel, in Adyghe literature is provided; innovative forms of the national novel of the 21st century are highlighted; the history of the creation of the novel “Hatti” in the Kabardino-Circassian language and its translation into Russian is studied; the genre affiliation of the work is established; artistic features of the research material are revealed, an analysis of its content, composition, poetics is carried out; the mytho-folklore basis of the novel is considered. The relationship between the author’s fiction and historical truth in the analyzed prose discourse is determined. The need to solve these problems necessitates the use of a complex of scientific methods in the work, among the dominant ones being the cultural-historical, hermeneutic, structural-descriptive methods, as well as the methods of immanent and contextual analysis. The obtained results allow us to conclude that there is a progressive tendency in modern Adyghe novelistics to actualize ancient history as one of the main objects of artistic understanding of the existence and mentality of the ethnic group. In this context, the novel “Hatti” by A. Kanukova-Firova is the only epic work to date that creatively vividly and, as far as possible, historically accurately illuminates the distant past of the ancestors of the Adyghe, dating back to the 13th-12th centuries BC. The novel is an original example of the author’s mythologizing prose, in which one can observe “modeling the text as a myth” (the expression of K.N. Paranut). At the same time, the work displays characteristics and features of the historical epic novel, the mythical novel, and the family chronicle novel. The narrative language is rich and saturated with ethnocultural symbolism, nationally marked images, and archaic vocabulary, which together represent the spiritual world of the ethnic group from its ancient origins.

For citation: *Khavzhokova, L.B. Artistic representation of the history of the Adyghe ethnos in the novel “Khatti” by Anfisa Kanukova-Firova // Izvestiya SOIGSI. 2026. Iss. 60 (99). Pp. 123-131. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.004*

References

1. Bekizova, L.A. *Ot bogatyrskogo eposa k romanu* [From the heroic epic to the novel]. Cherkessk, Stavrop. kn. izd-vo. Karach.-Cherk. otd., 1974. 288 p.
2. Musukaeva, A.Kh. *Otvetstvennost' pered vremenem: problemy evolyutsii romana v literature Severnogo Kavkaza* [Responsibility to Time: Problems of the Evolution of the Novel in the Literature of the North Caucasus]. Nalchik, El'brus, 1987. 168 p.
3. Musukaeva, A.Kh. *Severokavkazskii roman. Khudozhestvennaya i etnokul'turnaya tipologiya* [The North Caucasian novel. Artistic and ethnocultural typology]. Nalchik, El'brus, 1993. 192 p.
4. Musukaeva, A.Kh., Tkhaqazitov, Yu.M. *Evolutsiya zhanra romana v kabardinskoj literature 50-80-kh gg.* [Evolution of the novel genre in Kabardian literature of the 1950s-1980s]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, 2010. 63 p.
5. Timizhev, Kh.T., Tkhaqazitov, Yu.M. *Adygskii roman: evolyutsionnyi put' i khudozhestvennye osobennosti* [The Adyghe Novel: Its Evolutionary Path and Artistic Features]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanities, 2009. 168 p. (In Circassian)
6. Tkhaqazitov, Yu.M. *Adygskii roman (natsional'no-epicheskaya traditsiya i sovremenost')* [The Adyghe novel (national-epic tradition and modernity)]. Nalchik, El'brus, 1987. 110 p.
7. Kambachokova, R.Kh. *Stanovlenie i razvitie istoricheskogo romana v adygskoi proze* [Formation and development of the historical novel in Adyghe prose]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Nalchik, 1998. 23 p.
8. Dakhuzheva, N.A. *Natsional'noe svoeobrazie istoricheskogo romana v adygeiskoi proze* [National originality of the historical novel in Adyghe prose]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Maykop, 2000. 18 p.
9. Panesh, U.M., Shazzo, Sh.E. *Adygskaya proza na istoricheskuyu temu v kontekste otechestvennoj literatury 50-kh gg. XX veka* [Adyghe prose on a historical theme in the context of Russian literature of the 1950s]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Criticism]. 2019, no. 2 (237), pp. 120-125.
10. Priimakova, N.A. *Zhanrovo-stilevoe bogatstvo adygskogo romana ob istoricheskom proshlom (poetika syuzheta)* [Genre and stylistic richness of the Adyghe novel about the historical past (poetics of the plot)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Maykop, 2003. 22 p.
11. Khakuasheva, M.A. *Mifologicheskie obrazy i motivy v fol'klоре, literature i iskusstve* [Mythological images and motifs in folklore, literature, and art]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanities, 2014. 172 p.
12. Tkhaqazitov, Yu.M. *Evolutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov (opyt teoreticheskoi istorii: epos, literatura, roman)* [Evolution of the artistic consciousness of the Adyghe (an attempt at theoretical history: epic, literature, novel)]. Nalchik, El'brus, 1996. 256 p.
13. Paranuk, K.N. *Mifopoetika i khudozhestvennyi obraz mira v sovremennom adygskom romane* [Mythopoetics and artistic image of the world in the modern Adyghe novel]. Maykop, Adyg. resp. kn. izd-vo, 2012. 352 p.
14. *Undina* [Undine]. *Vikipediya* [Wikipedia]. [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ундина>